

5. Павленко, Д.А. Процесс исправления осужденных: сущность, содержание, закономерности, пути совершенствования / Д.А. Павленко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 февр. 2021 г. : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2021. – С. 239–240.

6. Методические рекомендации Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь по организации в учреждениях УИС мероприятий, направленных на подготовку осужденных к освобождению № 29/13383 вн от 22.05.2020 г.

Раздел III ЮРИДИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334:008 + 008

С.В. Масленченко

МАННГЕЙМОВСКИЕ ТИПОЛОГИИ ИДЕОЛОГИЙ И ТИПОВ МЫШЛЕНИЯ ИХ НОСИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВА

На всем протяжении истории человечества духовная культура всегда была объектом пристального внимания исследователей. Соединяя в себе множество идей, знаний, проявления божьего и человеческого духа, она и сегодня воплощается в многочисленных формах. Как слова образовывали массивы текста, так и идеи, воплощенные в различных материальных формах, соединялись в определенные смысловые системы, создавали множество идеологий.

Социокультурная реконструкция процессов конструирования социальной реальности через призму возникновения и распространения идей и их систем становится актуальным научным направлением еще в XX в. Значительный вклад в разработку данной проблематики и методологии внесли П. Бергер, Д. Блур, Б. Латур, Т. Лукман, М. Малкей, У. Старк, С. Уолгар и др. Однако ранние труды по вопросам социального конструирования остаются без особого научного внимания. Среди них – работа К. Маннгейма «Идеология и утопия», ссылки на название которой встречаются повсеместно в современных научных статьях и учебных изданиях, а ее содержание подвергается лишь поверхностному анализу.

Использование герменевтического метода, представленного в трудах Г.-Г. Гадамера, В. Дильтея, П. Рикера, Ф. Шлегеля, Ф. Шлейермахера и других, дает эффективный инструментальный исследования работ К. Маннгейма как текста и позволяет получить его объективное толкование. Применение структурно-функционального метода к исследованию процессов создания и распространения систем идей позволяет выявить структурные элементы общества и их функциональный потенциал в процессах их объективации, институционализации, легитимации.

Опираясь на концепцию М. Шелера об особой роли знания в понимании реальности, изложенную в труде «Формы знания и обще-

ство» (1926) [6], К. Маннгейм в работе «Идеология и утопия» отмечал, что господствовавшие в первые десятилетия XX в. психологический и гносеологические подходы уже не обеспечивали адекватное исследование процессов мышления и социальной активности, что, в свою очередь, могло быть преодолено только применением «социологии знания», способной предоставить ученому метод «описания и анализа <...> типа мышления и его модификаций» и позволить «сформулировать связанные с ним проблемы, соответствующие его специфическому характеру и создающие предпосылки для его критического понимания» [1].

Однако К. Маннгейм не отказывается от использования психологического подхода, который им используется для исследования психологии интереса в процессе формирования новых идей, дополняя его ноологическим подходом, призванным раскрыть сущность познавательных процедур мышления и конструирования знания. Вероятнее всего, интерес ученого к ноологической методологии обусловлен большим влиянием на европейскую гуманитарную мысль первой трети XX в. теории Р. Эйкена, который, продолжая баденскую традицию учений о духе, предложил собственный взгляд на развитие понимания, мышления и знания, и соответствующий метод, противоположный психологическому, позволяющий установить процедуру усвоения духовного содержания, становления духовности человека и общества [3; 4].

Авторские методология и методика социологии знания позволили К. Маннгейму выделить два типа идеологий (критерием выделения выступила степень трансформации конструируемой идеологией реальности – авт. (в интерпретации К. Маннгейма – степень «искажения» реальности)):

частичной как «лишь часть высказываний противника (и только в аспекте содержания)» [1]. «Мы верим определенным «идеям» и «представлениям» противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам» [1]. Спектр применяемых приемов: «от сознательной лжи до полуосознанного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана» [1]. «Феномен, занимающий промежуточное положение между простой ложью и теоретически неверно структурированной точкой зрения <...> Его объектом являются пласты заблуждения на психологическом уровне, которые создаются не преднамеренно, как в том случае, когда прибегают ко лжи, но являются следствием определенной каузальной необходимости» [1]. Даже маннгеймовское сравнение частичной идеологии с «идолами» Бэкона как источниками заблуждений строится на том, что у обоих описываемых

понятий психическая природа. Функционализация, совершаемая понятием частичной идеологии, происходит только на психологическом уровне («тот или иной интерес служит причиной лжи и сокрытия истины»), существует в «акте переживания» [1]).

тотальной как «все мировоззрение противника (в том числе и его категориальный аппарат» [1]), «идеологии эпохи или конкретной исторической и социальной группы (например, класса), имея в виду своеобразие и характер всей структуры сознания этой эпохи или этих групп» [1]. Функционализация, совершаемая понятием тотальной идеологии, происходит только на теоретическом уровне: «...Здесь господствует тенденция заменить психологию интереса структурно-аналитическим или морфологическим соответствием между социальным бытием и формой познания» [1].

Опираясь на собственную методологическую установку «динамического» реляционизма, способную «преодолевать противоречия» и быть «диалектической», К. Маннгейм утверждал, что «...мы уже не живем в одном и том же мире идей, <...> существуют взаимно противоположные системы мышления» [1], а сама «структура мышления» – это знание о реальности, выраженное в определенной системе идей. При этом «факты» всегда конституируются для познания в определенном мыслительном и социальном контексте», лишь частично отражая в формах сознания бытие. В итоге единственный способ понять сущность идеологии – осознание «ограниченности всех позиций и точек зрения» постоянное «выявление» этой ограниченности, что позволяет находиться «хотя бы на пути к искомому целостному пониманию» [1].

В срезе социокультурной динамики определенные системы идей опаздывают в своем осмыслении реальности за развитием мира, другие – идут в ногу с ним (представлено в работе «Идеология и утопия» косвенно), третьи – опережают свое время. Кроме этого, К. Маннгейм лишь отдаленно артикулирует мысль о том, что в культуре и обществе одновременно происходят процессы конструирования и деконструирования социальной реальности. Автором приводится лишь один пример конструирования знания, в том числе, для деконструирования идеологии партии-оппонента: «... когда одна партия ставит перед собой цель уничтожить не только конкретные ценности и идейные позиции другой партии, но и всю ее духовную основу» [1]. Уничтожение «духовной основы» идейного врага происходит тогда, когда одна из партий меняется вместе с миром (изменяется ее духовная основа); начинает наблюдаться расхождение духовных основ, а «наивное недоверие» преобразовывается в феномен «частичной идеологии», а затем переходит в «тотальную

идеологию». Развивая данную посылку К. Маннгейма, можно отметить, что в духовной культуре постоянно происходят открытые/латентные процессы создания и разрушения систем идей.

Вместе с тем системы идей рассматриваются К. Маннгеймом преимущественно в контексте партийной идеологии и политической деятельности самой партии. Характеризуя понятие «идеология», австро-венгерский исследователь отмечал, что оно «подготовило то ощущение недоверия и подозрения, которые человек на каждой данной стадии исторического развития обычно испытывает по отношению к своему противнику» [1]. Этот термин складывается на той стадии, когда «ответственность за сокрытие подлинных обстоятельств перестают возлагать на отдельных субъектов, и все это не объясняют больше их хитростью, но усматривают источник неискренности противника – более или менее осознанно – в каком-либо социальном факторе. Как идеологию взгляды противника начинают расценивать с того момента, когда их не считают больше заведомой ложью, но ощущают во всей его позиции некую неправду, которую толкуют как функцию определенного социального положения» [1]. К. Маннгейм напоминает, что еще в эпоху Просвещения (например, в трактате Д. Юма «История Англии») появляются приемы деконструкции систем идей оппонента: например, «методами психологии интереса постоянно ставить под сомнение искренность противника и тем самым оспаривать значение его высказываний» [1].

«Разоблачение подобных искажений» характерно и для Европы XX в.: «К. Шмитт очень хорошо анализирует это характерное для нашей эпохи мышление, которое, глубоко ощущая себя обманутым, повсюду ищет нарочитую попытку маскировки, искажения и сублимации» [7, с. 19].

Для объяснения наличия «искажений» К. Маннгейм вводит термин «ложное сознание», которое он, не обременяя себя процедурами определения понятий и их строгой категоризацией, интерпретирует в этико-нормативном контексте. Теоретически ложное сознание «ориентировано на нормы, которыми при всем желании нельзя руководствоваться на данной стадии исторического процесса» [1]; проявляется в «категориях» мышления, «которые вообще неприменимы для последовательного ориентирования на данной стадии бытия» («устаревшие и потерявшие свое значение нормы и формы мышления, а также интерпретации мира») [1]. А на практике оно «...является тогда, когда оно, опираясь на традиционное осмысление (форм жизни, переживаний, понимания мира и человеческой природы), препятствует появлению и утверждению новой морали и новому становлению человека» [1].

В другой части работы «Идеология и утопия» под ложным сознанием понимаются устаревшие этические нормы, «которые превращаются в идеологии, <...> полностью оторванные от реальности» [1], которые «невозможно выполнить, но можно обойти» [1]. На уровне отдельного индивида они проявляются в «овеществлении», «идеализации» или «романтизации» реальности.

По утверждению австро-венгерского ученого, «ложность» мышления обусловлена [1]:

обычными источниками заблуждений;

одновременным существованием каких-то ложных структур сознания (двух видов: а) опережающие «современное» им бытие»; б) отстающие от него. В обоих случаях они «маскируют бытие» на основании политической «практики», «опытных данных, которые игнорировать нельзя»;

динамичностью действительности.

В итоге в социологии знания К. Маннгейма «ложное сознание» – сознание, «несостоятельное в своем познании», неспособное продуцировать новое знание об изменяющейся/изменившейся реальности. К нему можно отнести случаи, когда системы идей облекаются в форму идеологии и утопии (в маннгеймовской терминологии).

Идеологичность мышления обусловлена стремлением «коллективного бессознательного определенных групп» (идеи, актуальной для первой трети XX в.) «скрывать действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [1], а утопичность мышления, присущая «определенным угнетенным группам», – стремлением «видеть только те элементы ситуации, которые направлены на <...> отрицание» [1] существующего общества. В цитируемом фрагменте и во всем тексте работы «Идеология и утопия» жесткой смысловой привязки идеологии к правящему классу, а утопии к угнетенному не обнаруживается. Речь идет скорее о ситуациях осмысления действительности, когда происходит осознанный или неосознанный самообман, заблуждение (в случае с идеологией), и нежелании анализа иных фактов реальности, не вписывающихся в частную систему идей.

Более того, К. Маннгейм упоминает случай, когда партии, независимо от того, чьи интересы они представляли (правящего или угнетенного класса), взяли на вооружение практику разоблачения коллективного бессознательного, демонстрируя, что идеи их оппонентов есть «не что иное, как искаженное отражение их жизненной ситуации, предвосхищение их неосознанных интересов» [1].

Стоит отметить, что австро-венгерским исследователем предлагаются средства, позволяющие не допустить превращение системы идей

партии в идеологию или утопию: скептицизм и релятивизм собственных знаний о реальности, которые «принуждают к самокритике и самоконтролю и ведут к новой концепции объективности» [1].

Еще одним критерием истинности знания о действительности, среди указанных К. Маннгеймом, является практическая политическая деятельность, в ходе которой, однако, не все достигают адекватного отражения бытия в идее (несмотря на то, что «мысль должна содержать не меньше и не больше, чем действительность, в рамках которой она существует»): «...реальность ищут в своем мышлении и в своих поступках все партии, и нет ничего удивительного в том, что она является им в различных образах» [1]. Большое количество социальных групп и институтов обеспечивают наличие конкурирующих между собой идеологий, что отвечает тезису австро-венгерского ученого о социально-исторической обусловленности знания (за «знаниями» идейного противника «стоит коллективный разум или субъект с определенным социальным положением» [1]). В прикладном аспекте партийное развитие должно стремиться к научному обоснованию своей идеологии: любая партия должна создать свою школу политической науки. «Частичный характер» партийной идеологии преодолевается мультипартийностью политической системы, что «обеспечивает становление общего понимания исторического момента» [1].

К. Маннгейм выделяет пять типов мышления, обусловленных основными, на его взгляд, социально-политическими течениями XIX и XX вв. (бюрократический консерватизм, консервативный историзм, либеральная демократия, социализм и коммунизм, фашизм):

1. Мышление, обусловленное идеологией бюрократического консерватизма (социальная основа – бюрократия консервативного толка) [1]: «стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления»; конструирование «лишь замкнутой статистической системы»; включение в свою систему новых законов, возникающих вне рамок этой системы, под видом продолжения развития одной «основополагающей системы»; репродуцирование на основании законов, принятие которых не относится к компетенции чиновников; неотражение в сознании бюрократии участвующих в принятии законов социальных сил, «связанных с определенным мировоззрением, волеизъявлением и определенными интересами»; любые несовпадения взглядов и действий с «прописанными» законами рассматриваются бюрократией как «удар в спину», «непредвиденное нарушение установленного порядка, а не как самовыражение тех общественных сил, которые стоят за любым

установленным порядком и создают, сохраняют или преобразуют его»; «хорошее управление мы предпочитаем наилучшей конституции» (например, прусское милитаристско-бюрократическое мышление).

2. Мышление, обусловленное идеологией консервативного историзма (социальная основа – консервативная аристократия и буржуазная интеллигенция, не разделяющая в полной мере взгляды консервативной бюрократии; «идеология политических групп, традиционно занимающих господствующее положение, но не связанных с бюрократическим административным аппаратом») [1]: «понимает значение иррациональной среды в жизни государства и не стремится устранить ее административными мерами»; опора на «дух народа», на старые аристократические традиции, на то, что «постигается лишь в результате длительного опыта и доступно, по-видимому, лишь тем, кто из поколения в поколение занимает высокие политические посты»; деятельность должна строиться на «врожденном, обостренном длительном опыте, инстинкте, который помогает найти правильное решение». «Сторонник исторического консерватизма обращает свое внимание на те сферы, где действуют скрытые силы народного духа, где, как, например, в сфере нравов и обычаев, в религиозной и культурной жизни, существенную роль играют не организованные, а органические силы» [1].

3. Мышление, обусловленное либерально-демократической буржуазной идеологией (социальная основа – буржуазия) [1]: «интеллектуализм», «свободная конкуренция», классовая борьба; «рационализация» деятельности; «идеи естественного права, служат ей нормативами»; выражается в создании и развитии политической науки по трем основным направлениям: 1) учение об идеальном государстве, 2) учение о позитивном государстве, 3) учение о совершенном государстве.

4. Мышление, обусловленное социалистической и коммунистической идеологией (социальная основа – «поднимающийся класс», пролетариат) [1]: детерминировано социальными, жизненными интересами (динамически изменяющимися производственными и классовыми отношениями), что соответствует марксистскому изречению «бытие определяет сознание» (формирование системы идей, отражающей социальную реальность). По утверждению К. Маннгейма, для этого типа мышления гносеологический оптимизм и вера в науку. «Мыслитель социалистическо-коммунистического направления усматривает элементы идеологии лишь в политическом мышлении противника; его же собственное мышление представляется ему совершенно свободным от каких бы то ни было проявлений идеологии» [1]. Идеологии оппонентов

интерпретируются в значениях «лжи», «обмана», «фикции»: «только те слои, которые нуждаются в сокрытии истины и по самому своему социальному положению не хотят и не могут познать подлинные связи, неизбежно становятся жертвами ложных переживаний» [1]. В отличие от либеральной демократии, формулирующей цель развития общества и государства, марксизм (как разновидность данного типа мышления и соответствующей системы идей) акцентирует внимание своих последователей (носителей идеологии) на самом процессе: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [2, с. 34]. Для марксизма-ленинизма цель будущего развития заключается в «реальном диалектическом становлении» (что опять же является не целью деятельности, а процессом; потенциально увеличивает возможность манипуляцией идеями о будущем в данной и производной от нее идеологиях – авт.). Общая схема мышления выглядит следующим образом: социально-историческое бытие определяет бытие и отражается в политической теории (в сознании лиц, выражающих отражение этого бытия определенной группой) – политическая теория реализуется в действии (политическая практика) – реализованная политическая практика изменяет социальную реальность, которая по-новому отражается в политической теории. В свою очередь, являясь приверженцем марксизма, К. Маннгейм несколько переоценивает прогрессивность этого типа мышления, аргументируя свое мнение собственным же наблюдением как идеология марксизма «рационализирует иррациональное действие»: «...марксистские пролетарские слои, достигнув успеха, сразу же устраняют из теории диалектический элемент и начинают мыслить с помощью генерализирующего, устанавливающего общие законы метода либерализма и демократии; те же из них, кто по своему положению вынужден ждать революции, сохраняют верность диалектике (ленинизм)» [1]. При этом расхождения в осмыслении социальной реальности среди самих же сторонников этого типа мышления свидетельствуют о методологическом несовершенстве процесса рационализации (формирования знания о бытии), а уход ряда «адептов» в теоретизацию через системы идей либеральной демократии, скорее говорит об онтологических, гносеологических и аксеологических преимуществах либерализма в сравнении с марксизмом. К тому же, «сохранение верности диалектике» марксистскими пролетарскими слоями в условиях изменившейся реальности (потенциально – революции) свидетельству-

ет, скорее всего, о разновидности господствующего среди них консервативного мышления.

5. Мышление, обусловленное фашистской идеологией (социальная основа – «путчистские группы, возглавляемые интеллектуалами, которые, являясь аутсайдерами по отношению к слою либерально-буржуазных и социалистических вождей, используют для завоевания власти изменение конъюнктуры» [1], отдельные группы буржуазии): «апофеоз непосредственного действия, вера в решающий акт, в значение инициативы руководящей элиты»; «не программы важны [5, s. 105]; важно безусловное подчинение вождю»; «иррационализм действия, отрицающий историю во всех ее значениях, выступающий с совершенно новых позиций»; любая историческая концепция есть просто конструкция, фикция, которую следует уничтожить в пользу прорывающегося сквозь историческое время действия» [8]; «мы не верим в то, что история повторяется, что она следует по заранее намеченному пути» [5, s. 105]; научный скепсис, особенно к гуманитарной науке, все сводится к социальной механике и социальной психологии; «вера в активность как таковую и собственную жизнеспособность»; требование активности борющегося меньшинства с целью замены одной господствующей элиты на другую. Политическая деятельность зависит от двух обстоятельств: «вдохновенного порыва выдающегося вождя передовых групп (элит)» и «обладания единственно возможным знанием – знанием массовой психологии и техникой манипулирования ею». Все политическое мышление иллюзорно (продуцирует «мифы»), побуждает «людей к действию, но совершенно не способно научно постигать политику или прогнозировать будущее».

Кроме того, К. Маннгейм полагал, что «синтезировать можно не только содержание мышления, но и его основы», а обозначенные им типы мышления могут быть объединены в разных комбинациях, например, как К. Маркс «соединил в своей концепции либерально-буржуазное, генерализирующее мышление с историзмом гегельянского толка, консервативного по своим корням» [1], что, в общих чертах, соответствует социокультурной динамике духовной сферы в XX–XXI вв.

Для выработки различных идеологий нужны агрегаторы идей. В любом обществе вопросами «знания» о реальности (в терминологии и методологии социологии знания – авт.) занимаются определенные социальные группы, «главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира» [1] (положение, которое позже становится базовым в концепции Бергмана-Лукмана).

В разные исторические эпохи и в разных обществах к ним относились: шаманы, брахманы, духовенство, интеллигенция. Для ранних этапов была характерна монополистичность, тотальность и догматизм интерпретаций реальности. С появлением и расширением группы «свободной интеллигенции», постоянно пополняемой выходцами из различных социальных слоев, начинается эпоха свободной конкуренции альтернативных типов мышления (идей и их систем – авт.). Сами же изменения происходят медленно, занимают время жизни одного/нескольких поколений (-ий).

Немалую роль в продвижении идей играют группы интеллектуалов, которые неоднородны по своим взглядам и составу (что в полной мере отвечает маннгеймовской идее о социальной обусловленности идеологии различных групп), но, вместе с тем, обладают общей чертой – образованностью, отражающей «поляризованность социальной действительности». В большинстве предшествующих культур духовная сфера определялась конкретным сословием (жрецами, светской аристократией), в обществах «эпохи поднимающейся буржуазии» с их высокой степенью социальной мобильности все возрастающую роль начинают играть страты, именуемые интеллигенцией, которые постоянно обновляются рекрутами из других групп. При этом идеология буржуазии и идеология «образованного класса» не идентичны по своей сути. Существенным преимуществом интеллигенции становится ее среднее положение в структуре общества, позволяющее адекватно воспринимать отражение социальной действительности различными социальными группами и создавать онтологически, гносеологически и аксиологически универсально отражать ее в знании, отвечающем ожиданиям практически всех слоев общества.

Участие интеллигенции в жизни общества шло, как правило, двумя путями:

1. Переход на сторону какого-либо борющегося класса. Интеллектуалы переходили «всегда на сторону того класса, который нуждался в духовной опоре» [1], но, при этом, «одухотворение» может быть «пустым прославлением, сотканным из лжи оправдания той борьбы, которая ведется за них; но может быть также и позитивной попыткой ввести духовные требования в сферу активной политики» [1].

2. Попытка «понять собственную природу, определить собственную миссию, которая состоит в том, чтобы выражать духовные интересы ценного» [1], и строится «на основе сознательной ориентации в социальной сфере в соответствии с требованиями духовной жизни <...> ее целостная

ориентация потенциально сохраняется даже в том случае, если интеллектуал примыкает к какой-либо партии» [1]. Постоянно обновляющееся видение интеллигенцией социальной действительности проникает в систему образования, обеспечивая ее диалектическое развитие.

Несмотря на высокую степень адаптивности интеллигенции к отражению определенными классами социальной реальности, группа интеллектуалов традиционно пользуется недоверием со стороны правящей элиты, иных участников политического процесса по различным причинам [1]: «способность интеллектуалов присоединяться к чуждым им по своему классовому составу группам»; «они могли вчувствоваться в любую позицию»; «для них, и только для них, существовала возможность выбора, тогда как непосредственно связанные с определенным классом индивиды лишь в исключительных случаях выходили в своих действиях за рамки своих классовых воззрений». К данному перечню стоит отнести неотмеченную К. Маннгеймом способность интеллигенции (по причине высокого аналитического и творческого потенциала) обнаруживать скатывание систем идей субъектов политики в сторону идеологии и утопии.

Позже, ко второму десятилетию XXI в., маннгеймовская идея об интерпретаторах реальности воплотилась в появление концепций активности социальных групп креаторов, конечным результатом деятельности которых становится знание о социальной реальности, другими словами, система идей, пытающаяся объяснить прошлое и настоящее, предопределить будущее.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы:

во-первых, в структурно-функциональном контексте К. Маннгейм не смог в полной мере развить свою теорию об идеологии и утопии, хотя некоторые зачатки представлений о партийных идеологиях как системах идей «прогресса» и утопических идеях в работе прослеживаются. Достаточно вспомнить ситуацию, когда для обеспечения безопасности существующего порядка вещей его сторонники стремились «подчинить своему контролю трансцендентные бытию, т. е. не осуществимые в данном социальном устройстве, идеи и стремления и сделать их социально безопасными посредством вытеснения за пределы общества и истории». Особенно ярко эта практика проявилась в средневековой культуре, когда Государство и Церковь «вплетали» идеи о всеобщем равенстве и блаженстве (правда, не в этом мире – авт.) в идеологию господствующего класса, тем самым лишая их «преобразующей силы». Этот пример, во-первых, демонстрирует некоторую ошибочность распространенного

утверждения о том, что идеология у К. Маннгейма является атрибутом правящей группы, а утопия – угнетенной, и, во-вторых, показывает, что создаваемые системы идей могут одновременно содержать в себе противоречивые знания о мире;

во-вторых, отмеченная австро-венгерским ученым, но не включенная в общую систему доказательств его теории, тенденция создания систем идей, которые нередко социально и культурно разнонаправлены (прогресс и регресс, утопия и прогресс (по К. Маннгейму, в постижении действительности определенным классом, с одной стороны, рождаются «утопии», с другой стороны – идеи «прогресса») и т. д.), представляет сегодня значительный интерес в понимании сущности и динамики конструирования социальной реальности, особенно в сфере «знания о действительности» и интерпретации бытия;

в-третьих, предложенное К. Маннгеймом деление идеологий на два типа (частичные и тотальные) отражает лишь степень искажения реальности в коллективном сознании конкретной партии и ее сторонников (критерий деления), а не степень охвата идеологией сознания масс. Кроме того, К. Маннгейм предлагает в качестве механизмов недопущения скатывания систем идей в идеологию и утопию следующие: скептицизм, релятивизм, мультипартийность;

в-четвертых, маннгеймовская типология мышления носителей идеологий обусловлена господствующими в первой четверти XX в. системами идей (бюрократический консерватизм, консервативный историзм, либеральная демократия, социализм и коммунизм, фашизм), информация о которых сегодня не содержится в учебной и научной литературе, хотя потенциально имеет важное значение в интерпретации современных социально-политических процессов на европейском континенте (особенно в рамках объяснения текущей распространенности идеологий неоллиберализма, неоконсерватизма, социал-демократии, неофашизма и др.);

в-пятых, утверждаемая К. Маннгеймом эффективность социал-коммунистической идеологии в интерпретации социального бытия оказалась логически слабо обоснована в работе «Идеология и утопия», практически и исторически несостоятельна;

в-шестых, К. Маннгейм закладывает основы концепции конструирования и деконструирования реальности, концепции креаторов идей, отражающих знание о мире, получивших дальнейшую разработку в рамках школы социологии знания и культурологии второй половины XX – начала XXI вв.

Список использованных источников

1. Маннгейм, К. Идеология и утопия [Электронный ресурс] / К. Маннгейм // Socialistica.lenin.ru. – Режим доступа: http://socialistica.lenin.ru/txt/m/manheim_1.htm. – Дата доступа: 24.12.2021.
2. Маркс, К. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3. – М.: Гос. изд-во пол. лит. лит., 1955. – 698 с.
3. Eucken, R. Geschichte und Kritik der Grundbegriffe der Gegenwart / R. Eucken. – Leipzig: Veit Verlag, 1878. – 265 s.
4. Eucken, R. Geistige Strömungen der Gegenwart / R. Eucken. – Leipzig: Veit Verlag, 1908. – 418 s.
5. Mussolini, B. Reden / B. Mussolini. – Leipzig: Hrsg. H. Meyer, 1925. – 251 s.
6. Scheler, M. Gesammelte Werke // Bd. 8. Die Wissensformen und die Gesellschaft / M. Scheler. – Bern: A. Francke AG Verlag, 1980. – 538 s.
7. Schmitt, C. Politische Romantik / C. Schmitt. – München und Leipzig: Dunker & Humblot, 1925. – 234 s.
8. Ziegler, H. Ideologienlehre / H. Ziegler. – Bd. 57. – H. 3. – Tubingen: «Arch. für Soz. u. Sozialpolitik», 1927. – S. 657–700.

УДК 316.4 + 355.01

М.Ю. Узгорок

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В условиях нарастания определенных социальных изменений современного общества особую значимость приобретают факторы, обладающие стабилизирующим и связующим началом. Во все времена таким фактором была культура. Трансформируясь в соответствии с потребностями современного социума, культура способна вызывать соответствующие изменения самой социальной системы.

Сложным социальным явлением, формирующимся внутри организации, является корпоративная культура. Корпоративная культура – это совокупность духовных, материальных и социальных ценностей, взаимодействующих между собой, созданных и создаваемых сотрудниками организации в процессе трудовой деятельности и отражающих индивидуальность и неповторимость определенной организации в социальной среде [3].